

ций. Иногда оно употребляется как синонимичное терминам «информация», «данные», «сведения» и т. п., но термин «информация» предполагает также нечто приходящее к человеку по разным каналам, передаваемое и кодируемое, обрабатываемое и перерабатываемое при поступлении в качестве разных ощущений, сигналов в ходе восприятия мира, что далеко не обязательно. Информация может быть связана с текущим сознанием, обработкой непосредственно поступающих данных. Знание – то, что уже отложилось в сознании и составляет часть памяти. Знание – это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему³.

А.З. Чарняк понимает знание в более или менее узком смысле. Знание в узком смысле ограничено пропозициональным знанием, то есть знанием, обязательно включающим полагание или высказывание некой пропозиции, а знание в широком смысле распространяется и на способности, умения, навыки или даже привычки – практическое знание, не обязательно включающее соответствующее полагание и даже, возможно, какое-либо вообще пропозициональное содержание⁴.

В исследованиях, представляющих различные лингвистические направления и подходы, выделяют разные типы знания. Так, И.Р. Гальперин выделяет содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информации, говорит о когнитивной (общее и разделенное знание и мнение и т. п.) и контекстуальной (речевые акты, ситуации, общение), различает данную и новую информацию⁵.

На сегодняшний день интердисциплинарность действует все более настойчиво и наступательно, поэтому насущные вопросы исследования языка и знания породили новые тенденции исследования этих феноменов. При этом важное место отводится разноаспектному контексту употребления языка: вербальный/невербальный, историко-культурный, психологический, социальный. Обязательным моментом в широком контексте является учет индивидуального когнитивного состояния носителя языка⁶.

В русле изучения природы научного знания когнитивной наукой, таким образом, релевантным оказывается выделение индивидуального знания, что свидетельствует о становлении нового подхода к пониманию и изучению этого феномена. Причины происходящих изменений, по-видимому, кроются в глобальном общенаучном «повороте к человеку, который происходит во всех областях исследований, так или иначе связанных с человеком, и выражается в обязательном учете человеческого фактора.

Созвучной представляется нам концепция известного британского ученого и философа М. Полани, который исходит из существования двух типов знания:

---

³ Краткий словарь когнитивных терминов / под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с. С. 28–29.

⁴ Чарняк А.З. Эпистемология неравных возможностей. М. : Едиториал УРСС, 2004. 167 с. С. 6.

⁵ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.

⁶ Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 354 с. С. 133.

центрального, или главного, и периферического, или неявного, скрытого. Явное знание лично по определению, и любая попытка элиминировать человеческую перспективу из нашей картины мира ведет, по мнению исследователя, не к объективности, а к абсурду⁷. На самом деле, современная трактовка истинности научного знания обосновывает необходимость и неизбежность «включения в логическое рассмотрение, в обоснование допускаемых рассуждений определенных характеристик субъекта, его мнений, установок и т. д.»⁸.

Так, Н.К. Рябцева отмечает, что «знание нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от его субъективного «контрагента» – мнения... знания и мнения взаимодополняют друг друга, взаимодействуют друг с другом и взаимоопределяют друг друга. Между ними нет четкой границы: они могут переходить одно в другое: (истинные) знания могут превратиться в ложные представления, а предположения, гипотезы и личные мнения в новое знание... знание фактуально и потому более ретроспективно... мнение субъектно: модально, оценочно, телеологично, проспективно, связано с взглядами, мировоззрением и внутренним духовным миром и выходит в сферу социальных отношений»⁹.

Таким образом, при исследовании научного знания необходимо обращаться к рассмотрению широкого эпистемического контекста, представленного эпистемической шкалой, на крайних точках которой располагаются знание и незнание, а между ними спектр значений, включающий мнения, установки, убеждения, веру и т. д. субъекта познания¹⁰. Принимая во внимание утверждение о том, что действительный мир – это один из возможных миров, и основываясь на полученных в ходе исследования результатах, для научного дискурса мы выделяем следующие типы возможных миров:

1. Реальный мир, или эпистемическое состояние знания. Реальный мир рассматривается как некая ментальная модель научной реальности, которая, по мнению ученого, является истинной:

Die zunehmende Veröffentlichung des Privaten hatte entsprechend einschneidende Folgen für die Form und das Verhältnis von Medien, Politik und Öffentlichkeit... so lässt es sich erstens festhalten, dass die drohende Veröffentlichung des Privaten die Medienpolitik schlagartig veränderte... zweitens lässt sich feststellen, dass sich die zunehmende Veröffentlichung des Privaten nicht direkt aus dem Aufkommen kommerzieller Skandalblätter erklären lässt... (Zeitschrift fuer Geschichte. 2004. N 9. S. 800.)

2. Мир сомнения, или эпистемическое состояние мнения. Мир гипотетических допущений, окрашенный эпистемической модальностью, занимает в ментальном пространстве дискурса по частотности одно из ведущих мест, а широ-

⁷ Полани М. Личностное знание. М. : Прогресс, 1985. 344 с. С. 59.

⁸ Смирнова Е.Д. Истинность и природа логического знания // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М. : Наука, 1995. С. 151–157. С. 153.

⁹ Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / Ин-т языкознания РАН. М. : Academia, 2005. 640 с. С. 272.

¹⁰ Минаков В.Н. Дискурсивный потенциал аргументации в немецкоязычном немецком тексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 153 с. С. 65.

кий спектр языковых средств, обладающих миропорождающей потенцией, позволяет выделить здесь множество подвидов в зависимости от степени «проявления» этих миров. Четких границ, разделяющих эти возможные миры, не существует. Их ментальные пространства примыкают и проникают друг в друга, что объясняется постоянной сменой эпистемических состояний от знания через мнение к незнанию и наоборот:

А. Максимально приближенный мир (ситуация подчеркнутой достоверности). Такой возможный мир наиболее тесно примыкает к реальному миру, но не может полностью совпадать с ним вследствие гипотетичности его реализации, например:

Offenbar konnte man in der Gewissheit, damit breites Publikumsinteresse zu gewinnen, der Versuchung nicht widerstehen, das Ergebnis dieser grotesken Fehlleistung an renommierter Stelle zu publizieren und mit großem Medienrummel als sensationellen Erfolg zu inszenieren (Zeitschrift fuer Geschichte. 2004. N 5. S. 406).

Б. Пространство возможного мира (ситуация средней степени достоверности). Ментальная модель такого возможного мира указывает на то, что субъект познания представляет свою точку зрения на реальность лишь как одну из возможностей, как свое индивидуальное мнение:

Die Ursachen dafür waren vielfältig, eine der wichtigsten scheint der stalinistische Terror der dreißiger Jahre gewesen zu sein, der auch in den Reihen der Roten Armee wütete. (Zeitschrift fuer Geschichte. 2006. N 1. S. 49.)

В. Пространство возможного мира низкой степени достоверности. В научном дискурсе такой возможный мир позиционируется в наибольшем отдалении от реального мира, так как субъект познания оценивает описанную в нем реальность как сомнительную:

Wenn der Inschriftenring von Paußnitz aufgrund der Fundumstände in die Mitte des 12. Jahrhunderts zu gehören scheint, aufgrund der epigraphischen und sprachlichen Deutung der Inschrift von den Autoren jedoch in das frühe 13. Jahrhundert datiert wird, dann ist eine Verbindung zwischen dem angeblich als mystischem Imperativ zu lesenden Inschriftentext und den Werken Meister Eckharts im späten 13. und 14. Jahrhundert als Referenztexten schon aufgrund der unterschiedlichen Zeitstellung ausgesprochen zweifelhaft. (Zeitschrift fuer Geschichte. 2004. N 5. S. 402.)

3. Ирреальный мир. Данная ментальная модель эксплицирует такой возможный мир, который, по мнению ученого, не может иметь места в действительном мире:

Ließe sich diese Deutung bestätigen, wäre sie in der Tat ein gelungener Paukenschlag. Denn nicht nur könnte die moderne epigraphische Forschung auf einen außerordentlichen bemerkenswerten Erfolg bei der Dechiffrierung einer komplex verschlüsselten Geheimschrift aus mittelalterlicher Zeit verweisen. Vielmehr wäre mit der vorgelegten Interpretation des Paußnitzer Inschriftenrings auch ein singuläres Zeugnis für die Spiritualität von Kreuzzugsteilnehmern, Heiliglandfahrern bzw. Ordensrittern des 13. Jahrhunderts gewonnen – eine Sensation für die historische Forschung. (Zeitschrift fuer Geschichte. 2004. N 5. S. 398.)

С одной стороны, понятие «знание» рассматривается исходя из понятия «незнание». Так, И.Т. Касавин подчеркивает, «...чтобы понять знание как специфический феномен, отличный от других феноменов культуры, знание должно быть выведено из незнания, понято как эпифеномен некоторой познавательной деятельности»¹¹. Знание и незнание представляются двумя сторонами одного процесса. В ходе рассуждения грань между знанием, мнением, установками и убеждениями представляется неопределенной и неустойчивой.

С другой стороны, знание и мнение получают в научном тексте языковое выражение и связаны с языковыми категориями. Инструментальной категорией, обладающей «миропорождающим» потенциалом, является функционально-семантическая категория модальности.

Разграничение понятий «знание», «мнение» проводится в данной статье для удобства лингвистического анализа критических текстов рецензий. Мы отличаем знание и мнение по параметру истинности и разделяем позицию М.А. Дмитривской, которая пишет по этому поводу: «В случае знания имеет место истинностная оценка, в случае мнения – вероятностная»¹². Утверждение знания полностью исключает выражение неуверенности. Мнение, напротив, легко соединяется с выражением ошибки или осуществления альтернативного положения дел. Как замечает И.Б. Шатуновский, мнение обозначает «сиюминутное», способное изменяться состояние субъекта, состояние одновременно ментальное и эмоциональное. Знание передает содержание постоянной, неизменяющейся области сознания – хранилища готовых, по большей части обобщенных, абстрактных ценностных суждений¹³.

Противопоставление знания и мнения, конечно же, не уникально. Истинностная и вероятностная оценки не исключают, а дополняют друг друга и в совокупности представляют общий модальный рисунок текста, который представлен наклонением глагола, модальными глаголами, глаголами в конструкциях с инфинитивом I и II, модальными словами и др.¹⁴.

Традиционно считается, что *индикатив* – это наклонение действительности (реалиса), а *конъюнктив* – наклонение недействительности (ирреалиса), возможности, гипотетичности. Как показывает материал, индикатив используется автором для констатации наличия или отсутствия какого-то факта через утвердительную или отрицательную форму изъявительного наклонения, например:

Beim Leseverstehen sind Aufgabenstellungen typisch, die dahingehen, daß die Lernenden ihren Lernprozeß selbst steuern. So schreiben sie z. B. Empfeh-

¹¹ Касавин И.Т. Познание в мире традиций / отв.ред. В.А. Лекторский ; Ин-т философии АН СССР. М. : Наука, 1990. 202 с. С. 36.

¹² Дмитривская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение. М., 1988. С. 6–18. С. 18.

¹³ Шатуновский И.Б. Думать и считать: еще раз о видах мнения // Там же. С. 56–71. С. 128.

¹⁴ Кремер И.Ю. Стратегии интерпретации немецкого критического текста : моногр. Рязань : РГУ, 2009. 127 с. С. 69.

lungen zu Büchern, die sie in Deutsch **gelesen haben**. (Zielsprache Deutsch. 1995. N 2. S. 105.)

Создается кажущаяся безличность суждений. Оценка присутствует либо эксплицитно, либо имплицитно, как логический вывод, обусловленный информацией контекста и фонового знания. Имеющий место имплицитный ментальный модус исключает ментального субъекта из числа «действующих лиц»: он уходит «со сцены», но не выходит «из игры» – он становится «режиссером». Его ментальные состояния не актуализируются и не раскрываются, но это не значит, что они вообще не присутствуют в тексте и не участвуют в его организации.

Как показывает анализируемый материал, значение гипотетичной модальности засвидетельствовано в *инфинитивных конструкциях* при помощи глаголов *sein* в конъюнктиве претерита в составе сложного сказуемого с именной частью и в конструкции *sein + zu + Infinitiv* в конъюнктиве претерита инфинитив.

*...Für einen DaF- Lehrer **ware** bei solchen Pluralformen der Hinweis "selten" oder "fachsprachlich" **wichtig**. Nur so kanner die sprachliche Relevanz solcher Formenrichtig ein schätzen und bei wachsender Sprachkompetenz sinnvoll über sie verfügen.* (Zielsprache Deutsch. 1995. N 2. S. 103.)

Особого внимания в качестве средства выражения модуса вероятностной оценки требуют *модальные глаголы*, которые реализуют схему «предположение» в их вторичной или инференциальной функции. Целесообразно в этой связи привести шкалу модальных глаголов в соответствии с убыванием степени уверенности адресанта в достоверности высказывания:

muß – müßte – dürft – -wird – sol – -sollte – kann – könnte – mag

Приведем примеры, иллюстрирующие, в какой степени конструкции с модальными глаголами выражают гипотетическую оценку.

*Aus der Praxis- über die Praxis- (nichtnur) für die Praxis: so **könnte** man Zielsetzung und Rahmen des vorliegenden Bandes **beschreiben**.* (Zielsprache Deutsch. 1996. N 1. S. 41.)

*Eine Fortführung der konzeptionellen Idee dieses Buches für andere Niveaustufenist m. E. gut vorstellbar und **sollte** von den Autoren **erwogen werden**.* (Zielsprache Deutsch. 1995. N 3. S. 225.)

*Stellt die Sprache die Fremdedar, so **muß** der Inhalt Teil des Eigenen **sein**. Eine weitere Möglichkeit gibt es nicht, wenn man interkulturelle Literatur als neuartige Weltliteratur versteht.* (Zielsprache Deutsch. 1997. N 3. S. 109.)

В зависимости от коммуникативной интенции, манеры изложения, типа авторства происходит наполнение текста модальными компонентами. Автор дискурса выстраивает текстовые пассажи таким образом, чтобы представить новые для адресата факты действительности и оценить их.

Возможно, к средствам выражения модуса мнения можно отнести *глаголы с модальной семантикой предположения* (scheinen, vermuten, zweifeln, bezweifeln). Например:

*Ich **bezweifle**, daß über hochstandartisierte Textewie "Abstracts etc." hinaus in der Produktion wissenschaftlicher Texte solche Regelmechanismen in nennenswertem*

Umfang nachweisbar sind, weil kein Schreibautomat und keine "Werkbank zum Textschreiben" (Rohtkegel) dem Schreiber wissenschaftlicher Texte die Mühsal des Formulierens abnehmen kann. (Muttersprache. 1997. N 2. S. 93.)

Также в качестве маркеров предположения употребляются *конструкции в Futur I u Futur II*:

*Mit neuer Seitenangabefolgenseparat der Lösungsschlüssel sowie ein Glossar zu den Texten. Hier kann den Autoren eine weitsichtige Konzeption bescheinigt werden, denn es **warden** sich ja noch weitere Fenster **öffnen**. (Zielsprache Deutsch. 1995. N 3. S. 225.)*

К числу наиболее употребляемых модальных средств принадлежат, на наш взгляд, *модальные слова*. Модальные слова высокой степени уверенности автора актуализируют знание, их использование базируется на знании научного материала. К ним относятся: *zweifellos, ohne Zweifel, bestimmt, sicher, sicherlich, keinesfalls, natürlich, gewiß, selbstverständlich, tatsächlich, in der Tat, wirklich, in Wirklichkeit, wahr, in Wahrheit*.

Модальные слова, обозначающие невысокую степень уверенности, целесообразно отнести к средствам выражения мнения. К ним относятся: *vielleicht, vermutlich, etwa, möglicherweise, wahrscheinlich, offenbar, offensichtlich, scheinbar, allem Anschein nach, kaum, schwerlich, unsicher, ungewiß, zweifelhaft, stark bezweifelt*.

Модальные слова создают модальный рисунок дискурса, позволяют нюансировать различные оттенки гипотезы и помогают определить авторскую позицию.

*Nicht nur aufgrund veränderter europäischer Gegebenheiten bietet dieser Weg des automatischen Lernens eine Reihe von Vorteilen: Eigenplanung des Lernwegs; Lernen, das nicht unmittelbar durch andere Personen beeinflusst wird; **möglicherweise** geringerer materieller Aufwand. (Zielsprache Deutsch. 1995. N 3. S. 225.)*

Следующим средством, выражающим степень достоверности, являются **модальные частицы**. Модальные частицы *denn, noch, ja, erst, aber, auch, mal, etwa, nun* выражают интенции говорящего, его субъективное отношение к излагаемому, а также выделяют какой-либо элемент в речи¹⁵. В качестве вывода следует сказать, что язык является естественным способом взаимодействия деятельности субъектов не только в социальном, но и в ментальном пространстве. Характер этого взаимодействия, его состав, условия успешности и результаты различны. В социальном отношении коммуниканты выполняют различные роли и часто бывают неравноправны. Партнеры ментального, интеллектуального взаимодействия, являясь субъектами познания, равноправны и в идеале являются сомыслителями.

¹⁵ Сущинский И.И. Коммуникативно-прагматическая категория «акцентирование» и средства ее реализации в современном немецком языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 611 с. С. 137.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия [Текст] : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Советская энциклопедия, 1972.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст]. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
3. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
4. Дмитриевская, М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека [Текст] // Логический анализ языка: знание и мнение. – М., 1988. – С. 6–18.
5. Залевская, А.А. Текст и его понимание [Текст]. – Тверь, 2001. – 177 с.
6. Касавин, И.Т. Познание в мире традиций [Текст] / отв. ред. В.А. Лекторский ; Ин-т философии АН СССР. – М. : Наука, 1990. – 202с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245с.
8. Кремер, И.Ю. Стратегии интерпретации немецкого критического текста [Текст] : моногр. – Рязань : РГУ, 2009. – 127 с.
9. Минаков, В.Н. Дискурсивный потенциал аргументации в немецкоязычном немецком тексте [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 153 с.
10. Полани, М. Личностное знание [Текст]. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.
11. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект [Текст] / Ин-т языкознания РАН. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
12. Смирнова, Е.Д. Истинность и природа логического знания [Текст] // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 151–157.
13. Сушинский, И.И. Коммуникативно-прагматическая категория «акцентирование» и средства ее реализации в современном немецком языке [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991. – 611 с.
14. Фанян, Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000. – 354 с.
15. Чарняк, А.З. Эпистемология неравных возможностей [Текст]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 167 с.
16. Шатуновский, И.Б. Думать и считать: еще раз о видах мнения [Текст] // Логический анализ языка: мнение и знание. – М., 1988. – С. 56–71.

REFERENCES

1. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia] [Text] : 30 Vols. / ed by. A.M. Prokhorov. – 3rd Ed. – M. : Soviet Encyclopedia, 1972.
2. Galperin, I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research] [Text]. – M. : Science, 1981. – 139 p.
3. Demyankov, V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost interpretiruyuschego podhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach] [Text] // Voprosyi yazykoznaniiya. – Problems of linguistics. – 1994. – No. 4. – P. 17–33.
4. Dmitrovskaya, M.A. Znanie i mnenie: obraz mira, obraz cheloveka [Knowledge and belief: the image of the world, the image of man] [Text] // Logicheskiy analiz yazyika: znanie i mnenie. – Logical analysis of language: knowledge and opinion. – M., 1988. – P. 6–18.
5. Zalevskaya, A.A. Tekst i ego ponimanie and its understanding [Text]. – Tver', 2001. – 177 p.

6. Kasavin, I.T. Poznanie v mire traditsiy [Knowledge of world traditions] [Text] / Institute of Philosophy ; Academy of Sciences of the USSR. – M. : Science, 1990. – 202 p.
7. Kratkiy slovar kognitivnykh terminov [Brief dictionary of cognitive terms] [Text] / Moscow : Moscow State University, 1997. – 245 p.
8. Kremer, I.Yu. Strategii interpretatsii nemetskogo kriticheskogo teksta [Strategy of German critical text interpretation] [Text]. – Ryazan: RSU, 2009. – 127 p.
9. Minakov, V.N. Diskursivnyy potentsial argumentatsii v nemetskoyazyichnom nemetskom tekste [Diskursivny potential arguments in the German text] [Text] : Diss. – M., 2007. – 153 p.
10. Polani, M. Lichnostnoe znanie [Personal knowledge] [Text]. – M. : Progress Publ., 1985. – 344 p.
11. Ryabtseva, N.K. Yazyik i estestvennyiy intellekt [Language and natural intelligence] [Text] / Institute of Linguistics. – M. : Academy, 2005. – 640 p.
12. Smirnova, E.D. Istinnost i priroda logicheskogo znaniya [The truth and logical nature of knowledge] [Text] // Logicheskiy analiz yazyika. Istina i istinnost v kulture i yazyike. – Logical analysis of language. The truth in the culture and language. – M. : Science, 1995. – P. 151–157.
13. Suschinskiy, I.I. Kommunikativno-pragmaticheskaya kategoriya «aktsentirovanie» i sredstva ee realizatsii v sovremennom nemetskom yazyike [Communicative and pragmatic category of «emphasis» and the means of its implementation in modern German language] [Text] : Diss. – M., 1991. – 611 p.
14. Fanyan, N.Yu. Argumentatsiya kak lingvopragmaticheskaya struktura [Argument as lingual grammatical structure] [Text] : Diss. – Krasnodar, 2000. – 354 p.
15. Charnyak, A.Z. Epistemologiya neravnykh vozmozhnostey [Epistemology of unequal opportunities] [Text]. – M. : Editorial URSS, 2004. – 167 p.
16. Shatunovskiy, I.B. Dumat i schitat: esche raz o vidah mneniya [Think and read: again about the kinds of opinions] [Text] // Logicheskiy analiz yazyika: mnenie i znanie. – Logical analysis of language: opinion and knowledge. – M., 1988. – P. 56–71.

I.Yu. Kremer

THE CONCEPTS OF KNOWLEDGE AND INFERENCE IN ACADEMIC DISCOURSE

The article analyzes the concepts of knowledge and inference in academic critical texts and focuses on the linguistic peculiarities of their representation in the text. The author of the article differentiates between the concepts of knowledge and inference for the sake of interpretation and systematization of linguistic means. The author focuses on modal means of the text, such as mood, modal verbs, infinitival structures, modal words. These linguistic means enable the realization of knowledge and inference by taking into account the communicative purpose of academic writing.

Academic writing, knowledge and inference, information, assessment, academic persuasion, modality pattern.

